

На следующий день, когда съемочная группа объявила место свидания, У Совэй в очередной раз осознал, что значит, когда небо рушится, а земля уходит из-под ног.

— Чтобы помочь господину Чи и господину У стать ближе, мы подготовили для вас... двухдневную поездку на частные горячие источники!

[!!! Двухдневная поездка! Да еще и с частными источниками! Режиссер, я тебя обожаю! Ты мой бог!]

[Да это же, черт возьми, ничем не отличается от отправки в опочивальню молодоженов!]

[А-а-а-а, я уже готова! Пожалуйста, снимите побольше кадров! Установите GoPro прямо у изголовья кровати!]

Частные источники.

Горячие воды.

Двое суток.

Каждое из этих слов, словно тяжелый молот, со всей силы било по нервам У Совэй.

Ему предстоит провести целых два дня с Чи Чэном в замкнутом, пропитанном паром месте, где придется обнажиться друг перед другом?

Чем это отличается от того, чтобы раздеть его догола и бросить в змеиное логово!

— Я не поеду! Можно мне не ехать? — У Совэй вцепился в Цзян Сяошуаю, словно в последнюю соломинку.

Цзян Сяошуай похлопал его по спине, и на его лице читались безграничное сочувствие и бессилие.

— Неустойка составляет восьмизначную сумму.

У Совэй мгновенно поник, словно побитый морозом баклажан.

Когда пришло время отправляться, машина съемочной группы уже ждала у входа на виллу. Линь Юю с покрасневшими глазами и изящным контейнером с едой в руках жалобно протянула его Чи Чэну.

— Брат Чи Чэн, это угощение я приготовила сама, поешь в дороге.

Чи Чэн, собиравшийся сесть в машину, даже не замедлил шаг и не обернулся.

— Я не ем сладкого.

Дверь машины с грохотом захлопнулась, оставив Линь Юю стоять в одиночестве. Она растерянно прижимала к себе контейнер, а выражение ее лица менялось с калейдоскопической скоростью.

[Ха-ха-ха-ха, отлично сработано! С такими «зелеными чаями» только так и нужно поступать!]

[Господин Чи: не люби меня, это бесперспективно, если только ты не У Совэй.]

[Линь Юю аж позеленела, как же это приятно, просто бальзам на душу!]

[Красотка, посмотри на меня, вы друг другу не подходите.]

У Совэй мысленно поставил ей свечку за упокой и, набравшись храбрости, собрался сесть на заднее сиденье с другой стороны.

— Садись вперед, — раздался голос Чи Чэна из салона.

У Совэй замер.

— Почему?

— Не хочу, чтобы стоило мне обернуться, я видел твою кислую физиономию.

Аргумент весомый, возразить нечего. У Совэй с чувством глубокого унижения открыл дверь пассажирского сиденья.

Машина плавно тронулась, вила в зеркале заднего вида становилась все меньше. У Совэй смотрел на быстро мелькающий за окном пейзаж, чувствуя в душе лишь скорбь. Ему казалось, что он едет не на свидание, а на похороны — причем на свои собственные.

В салоне стояла тишина, водитель и оператор с профессиональной выдержкой делали вид, что их здесь нет. Чи Чэн откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. У Совэй было решил, что так они и доедут до места в тишине, как вдруг сидящий сзади подал голос:

— Ремень безопасности.

У Совэй опустил голову и понял, что забыл пристегнуться. Он начал суетливо дергать ремень, но тот словно издевался над ним — заклинило.

— Бестолочь.

Сзади донесся тихий упрек. Следом за этим высокая фигура нависла над ним с заднего сиденья. Чи Чэн подался вперед, просунулся в узкое пространство между передними креслами и без труда вытянул заклинивший ремень. Его торс почти полностью навис над У Совэем. Тот оказался зажат между сильной рукой Чи Чэна и дверцей машины, не в силах пошевелиться. У Совэй даже дышать перестал.

Чи Чэн действовал медленно. Он тянул ремень, медленно проводя им по груди У Совэя, а затем опустил голову, чтобы нащупать замок.

Щелк.

Ремень защелкнулся. Но Чи Чэн не отстранился. Его лицо оказалось вплотную к щеке У Совэя. Он повернул голову, и его тонкие губы едва ощутимо коснулись ушной раковины парня. Чи Чэн прошептал так тихо, что слышать это могли только они двое:

— Так не терпится, чтобы я тебя привязал?

Частные источники находились на склоне горы и представляли собой отдельный дворик в японском стиле. Место было уединенным, с прекрасной звукоизоляцией. Настолько прекрасной, что У Совэй впал в отчаяние. Это означало, что следующие сорок восемь часов он и этот дьявол во плоти Чи Чэн будут заперты здесь, где никто не услышит его криков о помощи.

Единственными «посторонними» были двое операторов и один сотрудник, отвечающий за логистику. И было очевидно, что все они смотрят в рот Чи Чэну. У Совэй даже заподозрил, что тот приехал сюда, прихватив с собой собственные деньги для финансирования шоу.

— Господин Чи, господин У, это ваша комната, — сотрудник почтительно проводил их к дверям с табличкой Лунный свет. — В номере есть собственные внутренний и внешний бассейны с горячей водой, вы можете пользоваться ими в любое время. Ужин мы доставим прямо в комнату.

У Совэй смотрел на эту бумажную перегородку, как на вход в преисподнюю. Чи Чэн остался доволен.

— Понял. Можете идти отдыхать.

— А? — сотрудник остоленел, решив, что ослышался. — Но господин Чи, сегодняшние съемки...

— Сегодня больше не снимаем. Дайте нам выходной.

[Охренеть! Сила капитала! Сказал не снимать — и никто не снимает?]

[Режиссер: а как же мой авторитет? Господин Чи: у тебя его нет.]

[Ха-ха-ха, спонсор сказал свое слово, кто посмеет послушаться! Операторы схватили камеры и сбежали среди ночи!]

[Предыдущий комментатор, не сбежали, а укатились! Сверкали пятками!]

— Это... мне нужно согласовать с режиссером.

Чи Чэн промолчал, лишь лениво приподнял веки и окинул его взглядом. Сотрудник тут же вздрогнул, вытащил рацию, что-то невнятно пробормотал, а затем, кланяясь, бросился наутек вместе с операторами — с такой скоростью, будто за ними гнались черти.

Огромный дворик мгновенно опустел, остались только они двое.

Конец.

Теперь он точно попался, как черепаха в кувшине.

Камер больше нет.

Это означало, что Чи Чэн может вести себя еще более... бесцеремонно.

— Вот и всё. Теперь нам никто не помешает. Заходи. — Чи Чэн отодвинул дверь и первым вошел внутрь.

Комната была оформлена в классическом японском стиле: татами, низкий столик и огромное окно во всю стену, выходящее на открытый бассейн, от которого поднимался пар. Чи Чэн снял пиджак, небрежно бросил его на татами и принялся расстегивать пуговицы рубашки.

Раз, два...

Проступили очертания рельефных ключиц и крепкой груди.

— Ты... что ты делаешь?! — У Совэй в ужасе отступил назад, упершись спиной в дверную раму.

— В горячий источник полезу. — Чи Чэн расстегнул последнюю пуговицу и снял рубашку, обнажив тренированный торс. Широкие плечи, узкая талия, четкие и красивые линии пресса, уходящие под пояс брюк — все это излучала мощную энергию и мужскую силу.

У Совэй поспешно отвел взгляд.

— Чего застыл?

Чи Чэн достал из шкафа два кимоно и бросил одно У Совэю.

— Переодевайся.

У Совэй стоял на месте, сжимая в руках мягкую ткань, и не двигался.

— Хочешь, чтобы я помог? — Чи Чэн приподнял бровь.

— Н-нет, не надо! — У Совэй, прижимая к себе кимоно, бросился в ванную, словно убегая от погони.

Он провозился там целую вечность, прежде чем наконец облачился в кимоно, затянув все завязки так туго, что стал похож на тугой сверток. Когда он вышел, Чи Чэн уже был в кимоно, воротник был распахнут, а сам он стоял у окна, вертя в руках какой-то предмет.

Это была зажигалка со змеиным тотемом.

Кровь У Совэя мгновенно застыла. Он же спрятал ее в самом дальнем кармане сумки с принадлежностями для рисования! Когда Чи Чэн успел... он перерыл его вещи!

— Ищешь ее? — Чи Чэн повертел зажигалкой, и металлический корпус блеснул в лучах света холодным отблеском.

— Я... я не понимаю, о чем ты, — У Совэй предпринял последнюю попытку сопротивления.

— Да? — Чи Чэн усмехнулся. — Думаю, она тебе очень дорога, раз ты возил ее с собой из самого отеля.

Лицо У Совэя то бледнело, то краснело, губы дрожали, и он не мог вымолвить ни слова.

— Эту зажигалку мне подарил очень важный человек. — Чи Чэн играл с зажигалкой, крышка с щелчками открывалась и закрывалась, и этот звук в тишине комнаты казался оглушительным. — Его звали Ван Шо.

Ван Шо.

Имя той самой его Белой Луны.

— Так вот, — Чи Чэн поднял голову, и его взгляд, подобно змеиному, намертво зафиксировал У Совэя. — Тебе лучше дать мне разумное объяснение, как она оказалась в твоей сумке.

— Я... я нашел ее! — выпалил У Совэй.

— Нашел? — Чи Чэн улыбнулся еще шире, делая шаг за шагом в его сторону. — И где же ты ее нашел?

— В... в коридоре отеля!

— О? В каком отеле?

— Я... я не помню!

— Не помнишь? — Чи Чэн остановился прямо перед ним, глядя на него сверху вниз. — Тогда давай я помогу тебе вспомнить.

Он наклонился, приближаясь вплотную.

— Не в президентском ли люксе того самого отеля в деловом центре столицы?

Зрачки У Совэя резко сузились.

— Не на той ли кровати шириной в два метра?

С каждым вопросом Чи Чэна лицо У Совэя становилось всё бледнее. Наконец, голос Чи Чэна стал тихим, как шепот дьявола, и этот шепот точно разрушил его последнюю линию обороны:

— Не у меня ли на подушке ты ее нашел?

<http://bllate.org/book/19431/1903215>